

АРГИШ СЛОВ

*Стихи, как нарты каравана:
По краю льдов, по кромке снов,
Струится аргиш неустанно,
Мой аргиш слов!*

*Надежна нарта легковая-
Стихи о дальнем далеке,
Хореем острым подгоняю
Строку к строке.*

*На нарте хэсэ - груз особый,
Стихи о Боге и судьбе.
Скользят полозья невесомо
На клич небес.*

*За ней - тяжелые вандеи,
Полны раздумий и тревог,
И крепко связаны идеи
Узлами строк.*

*На прочной нгэту - чум походный,
Сказанья льдистых берегов,
Стихи о счастье и невзгодах
Страны Снегов.*

*А позади, во мгле тумана,
Послушно движутся на зов
Другие нарты караваны –
Мой аргиш слов...*

*ПЕСНИ
МЮСЕРТА*

МЮСЕРТА

Вдова великого поэта
Открыла тундру иноверцу,
Мне подарила имя это,
И я в тот миг родился - ненцем.

Зовусь я Мюсерта отныне –
«Тот, кто кочует постоянно» -
Мне тундра шепчет это имя,
Мерца в северном сиянье.

«Ты – Мюсерта!» - поет мне ветер,
Поземку легкую вздымая.
«Наш Мюсерта!» - смеются дети
У чума полог поднимая.

Казалось бы, простое имя
Мне дали тундровые ненцы?
Но с той поры я связан с ними -
Дыханьем звезд, биеньем сердца...

Ямал, 2008 г.

ПЕСНЯ

Родившийся в Месяц Большой Темноты,
Я к свету стремился, дороги не зная.
И легкая нарта из детской мечты
Летела по сопкам студеного края.

Я должен был песню сложить, и я пел:
О тундре, о маме, разлуке и встрече.
И воздух морозный от песни звенел,
А годы снегами ложились на плечи...

Я мерз, уставал и сбивался с пути,
И нарта кружила по старому следу,
Но главную песню не смог я найти,
Где строки заветные скрылись, не ведал...

Я помнил рассказы седых стариков,
Что в чуме ладони у пламени грели:
«Найти свою песню совсем не легко –
Бывает, озябнет она от метели,

Бывает, задавят торосы ее,
В стране сихиртя, в подземельях глубоких...
Но каждой весной, как солнце встает,
Ищи свою песню – ведь ей одиноко...»

Спросить стариков не решился тогда –
Они отыскиали заветные песни?
Ответ мне весной пропела вода,
Шепнул, распускаясь, подснежник чудесный:

От стылого ветра не прятать лица,
Делиться последним, с друзьями быть вместе.
Искать свою песню всю жизнь, до конца –
И жизнь твоя станет той самой песней!

Ямал, 2008 г.

АРГИШ

Аргиш идет на Север –
Нарты, олени, люди,
За перевала гребень,
Сквозь предрассветный студень.

Мчатся на Север птицы,
Льются на Север реки...
Ненцев бесстрастны лица,
Чуть прищурены веки:

Что повелось от века,
Никогда не прервется -
И судьба человека
Аргишной нитью вьется...

Ямал, 2008 г.

ЧУМ

Над тундрою осенней
Четвертый день пурга -
Там Нум ведет сраженьё
С жестоким богом Нга.

А я забрался в полог,
В тепло оленьих шкур.
Осенний день недолог,
Метелист он и хмур.
Скрипели жерди чума,

Давно спала семья...

А я лежал и думал -

Кто в этом мире я?

Я не пасу оленей,

За дичью не хожу,

Не призываю тени,

Болезнь не вывожу...

Пурга пропела ветром

Известное давно...

Я понял: быть поэтом

И здесь мне суждено.

Петь старикам о вере,

Влюбленным – о заре,

Охотникам – о звере,

А детям – о добре.

Когда же откочую

Вниз по Большой Реке,

Для сихиртя спою я

На древнем языке...

Ямал, 2006

СИХИРТЯ

(Ненецкая колыбельная)

Сказку старую пою – спи, дитя!
Про таинственный народ сихиртя.
Тех, что прежде нас касались земли,
А потом в сырые сопки ушли...

Спи, малыш! А коль приснятся тебе
Бивни мамонтов - не плачь, не робей:
Где метели между сопок свистят –
Там выходят из земли сихиртя.

Рыжий месяц им мигает, светя,
Рыжих мамонтов ведут сихиртя.
Земляных оленей Нижней Земли
К водопою сихиртя привели.

Земляных оленей трудно седлать –
Злобный нором их размерам под стать.
Но хорей перехватив, сихиртя
Им на спины залезают шутя.

По камням Земли Холодных Теней
Раздается гром железных саней:
Сихиртя на север аргиш ведут,
В небе стылые костры свои жгут...

Спи, малыш – они нам зла не хотят,
Эти жители земли – сихиртя.
Просто пение живого огня,
Солнце, звезды - их как прежде манят...

Спи, мой маленький – светлы твои сны!
Небо пахнет приближеньем весны,
С юга к празднику вороны летят,
И скрываются в земле сихиртя...

Ямал, 2006 г.

ПЕСНЬ МАМОНТОВ

Рыжие гривы касались холодной земли,
Бивни пронзали промозглых болот испаренья –
Мы уходили на Север в немом иступленья –
Тяжесть погибшего мира на спинах несли...

Мы уходили от копий, от стрел и сетей,
Люди смеялись и, скорую чуя победу,
С юной жестокостью мчались по нашему следу –
Люди в одеждах из шкур наших жен и детей...

Мы не ослабли – но мир будто бы измельчал.
Стало достойным ударить врага из засады,
Боль непохожих на них люди чувствовать рады...
Нам здесь нет места. Уходим к началу начал...

Да, мы изгой – ликуйте, Адама сыны!
Мы – исполины, ушедшие в камень мерзлотный.

В тайную землю тропинки укрыл мох болотный -

В добрую землю, где живы минувшего сны...

Ямал, 2006 г.

ХАЛЬМЕР

Здесь небо – как холодное стекло
с приставшими снежинками созвездий,
что с перевалов горных намело,
метелью, бушевавшей на разъезде...

И если в ночь морозную дохнуть
на небо, в черно-синие просторы -
Огнем зеленым вспыхнет Млечный Путь,
и разбегутся синие узоры

небесных арок, сводов и стропил,
что держат на себе края Вселенной,
причудливых животных и страшил,
не знающих, как вырваться из плена.

В твои глаза вопьются сотни глаз,
с мольбой взовьются щупальца и клешни -
беги от них, не слушай их рассказ -
иначе не настанет полдень вешний!

И, запрокинув голову,дохни
на небо снова. Если хватит силы,
узришь алмазнозвездные огни,
и ангелов в сиянье огнекрылом...

В застывшем небе будешь видеть ты
извечную борьбу светил и мрака.

И яркие небесные цветы,
рассыпятся по знакам зодиака...

Ямал, 2008 г.

ТЫНЗЯН

Оленевод плетет аркан,
Лицом бесстрастно-хмур,
Свивая годы и века
В единый прочный шнур.

Аркан из шкур, оленьих жил,
По-ненецки – тынзян,
Плетет, как дед его учил –
Иначе ведь нельзя!

Сплетая нити всех дорог,
Где аргиш проходил,
И ленты рек, застывших в срок,
И блеск ночных свнтил.

Легенды, песни дальних стран,
Морей, где вечный лед –
Он все вплетает в свой аркан –
Пускай аркан поет!

Подарит сыну он аркан –
Растет оленевод!
Была бы твердою рука –
Тынзян не подведет!

Пусть песня предков разорвет
Над тундрой тишину –
Сын первый раз тынзян метнет
В четвертую весну...

Ямал, 2008 г.

ВЕСЕННЕЙ ТРОПОЙ

На север аргиши уходят
По голубой тропе весенней.
Через снега, пургу, невзгоды
Несут меня мои олени!

Звонят бубенчики на нарте,
Весна идет по следу, знаю!
И я кричу: «Э-гей!» в азарте,
Хореем солнце подгоняя.

И солнце, как мои олени,
Бежит послушно от хорея.
По голубой тропе весенней
Летит мой аргиш все быстрее!

Ямал, 2008 г.

НЕНЕЦКОЕ СОЛНЦЕ

Ненецкое Солнце ходит кругами,
И превращает закаты в рассветы.
В Карское море, что скрыто снегами,
Катится Солнце блестящей монетой.
Ненецкое Солнце светит ночами,
Чтобы теплом напоить эту землю.
Стылую тундру ласкает лучами,
Жизни проснувшейся радостно внемлет.

Ненецкое Солнце – летнее счастье! -
Осенью прячется в южное море.
И над остывшей землей в одночасье
Вьюга морозные свяжет узоры...

Ямал, 2008 г.

ДЕВУШКА ХАНТЫ

(Е. Серасхова, перевод с хантыйского)

На шубке – бисер яркий,
С узорами кисы,
Платком – отца подарком -
Покрыты две косы.

Мороз румянит щеки,
Под росчерком бровей
Глаза черны, глубоки -
С теплом июльских дней.

Идет по снежной тропке,
Красиво, не спеша -
А парни не из робких
Вслед смотрят, чуть дыша.

Рыбачит, шьет, касляет,
Легко поставит чум,
Посмотришь - ей любая
Работа по плечу.

Она – среди оленей,
В байдаре на воде,
Не знающая лени,
И верная в беде.

По тундре снежно-зыбкой,
Где лишь ветра поют,
Она несет с улыбкой
Надежду, свет, уют...

РОДНОЙ ЯЗЫК

(Е. Серасхова, перевод с хантыйского)

Каждый хант, язык свой знай!
Мудрости его внимай,
И родной земли напевы
Никогда не забывай!

Рекам жизнь даёт родник,
Жизнь людей - родной язык.
Обруби у ели корни -
Дерево засохнет вмиг.

Если сроду не каслал,
Твоим миром город стал,
Но поешь родные песни -
С прошлым связь не потерял.

Каждый хант, язык свой знай!
Мудрости его внимай,
И родной земли напевы
Никогда не забывай!

ОСЕНЬ

(Е. Серасхова, перевод с хантыйского)

Осень ямальская - гостя желанная,
Крылья расправив над тундрами нашими,
В северный край вновь пришла, долгожданная,
Землю укрыла платком изукрашенным.

Тундры сукно - монотонное, серое
Гостя расшила узорами яркими.
К людям, издревле живущим на Севере,
Осень пришла с дорогими подарками:

Бисером ягод все сопки усыпала,
Всюду грибы разбросала куртинами,
В тундре удача охотникам выпала,
Сети наполнились щедрой путиною.

Но раздались в небе песни прощальные -
Птицы летят над озябшею тундрой -
С ними уходит за звезды хрустальные
Гостя желанная, добрая, мудрая...

ОЛЯ

Хантыйской девочке Оле
В отцовском чуме не спится.
Была б на то ее воля –
Уехала бы учиться.

В Россию иль за границу,
Где город многоэтажный,
Как перелетная птица,
Умчалась она б однажды...

Да вот отец не пускает –
Мол, в чуме работы много...
А Оля в тундре скучает,
Грустит одна у порога.

Бывает, отец позволит
Смотреть кино вечерами,
И Оля душой уходит
В пространство между мирами.

Там, за голубым экраном,
Проносится жизнь другая –
Цветные, яркие страны,
А здесь – лишь тундра сырая...

И Оля над вышиваньем
Вздыхает, рассыпав бисер:
Начнется скоро касланье –
Не станет кино и писем,

Не будет музыки, света
В холодном чуме у моря...
Ей негде спросить совета,
Ей не с кем делиться горем –

Подруги все вышли замуж
За статных оленеводов,
И Оле давно пора уж –
Да ждет у моря погоды...

А Карское море злое –
Сквозь льды мечте не пробиться...
А сердце все ноет, ноет,
И город в огнях все снится...

Ямал, 2006 г.

СИРОТА

(Поэтический вечер в интернате пос. Белоярск)

Читала девочка стихи
Из тоненькой тетрадки -
О белой тундре у реки,
Где квохчут куропатки,
О маме, что с улыбкой шьет
Для братика одежду,
И, чуть прикрыв глаза, поет
О вечном, тайном, нежном...

Про папу – промысловика,
Как ждет его, скучает...
Казалось, жизнь ее - в стихах,
Все радости, печали...

Читала девочка – плыла
С весенним перезвоном...
В счастливый, добрый мир звала,
Светилась, как икона...

Закончив, села в уголке -
Как будто подменили:
Тетрадку скомкала в руке,
И слезы подступили...

Не помню, кто мне прошептал –
Лишь помню боль глухую:
«Эх, Маша, Маша, сирота,
По родненьким тоскует...»

Пос. Белоярск, 2006 г

БУРОВАЯ

Он гнал упряжку в синий вечер,
И песня звонкая кружилась -
О тундре, что плыла навстречу,
О том, что на душе творилось.

Но вдруг его застыла песня,
Олени сбились робкой кучей –
Он не узнал святого места,
И сердце сжалось в ком колючий.

Нарядней елки новогодней,
Огнями яркими сверкая,
На родовых его угодьях
Стояла вышка буровая.

Была чужой и равнодушной
Ее стальная грациозность.
Ей нипочем был холод вьюжный,
И черный гнев Хозяев Звездных.

Он прочь погнал своих оленей,
Не пел - сдавило душу горе...
Скорей! Туда, где в снежной пене
Встает рассвет над Карским морем!

Там, на Краю, во мхах прибрежных,
Он возродится к жизни новой!
Не знал он – по его надежде
Уже проложен трубопровод...

Ямал, 2008 г.

ВЕЗДЕХОДЧИК

Зеленая громада вездехода
Дышала жаром жженого мазута,
Ревела, пережевывая камни,
Разбрызгивая грязь глубоких луж.

За нею оставалась не дорога –
Распоротое тело нежной тундры,
И в колеи глубокие стекала
С радужными разводами вода...

Водитель-ненец был немногословен.
Одетый в камуфляжную спецовку,
Он равнодушно вел свою машину,
Глядел на мир очками «POLARIS».

Таким он был – ненецкий Терминатор.
И в редкие минуты благодущья
Рассказывал мне байки об охоте –
Какого зверя где он завалил...

Но вдруг машина вздрогнула, застыла.
Я думал, что слетела гусеница.
Водитель снял очки и улыбнулся,
И спрыгнул с борта в мокрую траву.

В пяти шагах от стонущего монстра
Бежала тундряная куропатка,

Изображая раненую птицу –
Петляла, припадая на крыло.

А возле черных траков вездехода
Пищали желтоклювые цыплята...
Водитель их любовно гнал травинкой:
«От мамки не отбились бы они!»

Машина вновь взревела, содрогаясь,
Опять кромсали гусеницы тундру,
Водитель снова стал немногословен,
И про охоту не дорассказал...

Но стало мне спокойно и уютно
Трястись в кабине дизельной громады -
Ведь сердце человеческое билось
Внутри машины, ровно и легко...

Ямал, 2008 г.

СТУДЕНТ

Зоотехник, студент из столицы,
Выделялся среди местных ребят.
У девчонок румянились лица,
Если он поднимал на них взгляд.

Но он чаще бродил среди оленей,
И писал в полевом дневнике

Что-то там о судьбе поколений,
И стихи о нездешней тоске...

Он от овода делал прививки,
В дальний чум приходил на обед,
И лил в кофе сгущенные сливки,
Так как свежих на Севере нет...

И ненецкая девушка, зная,
Что он брезгует мясом сырым,
Доставала пирожное «К чаю»,
И морошки, и сладкой икры...

Он рассказывал ей о работе,
О студенческой славной поре...
Она молча сидела напротив,
Улыбаясь ему, как заре...

На студента отец все бранился:
Мало дела – хорош на словах!
И не знал, что тот дочери снился,
В самых светлых и радостных снах...

Он уехал в конце ледостава,
На прощанье ей руку пожав...
Сердце биться на миг перестало,
И не знала, куда убежать...

Потянулись за днями недели,
Вновь весною сменилась зима.
Перелетные птицы галдели,
И их крики сводили с ума.

Она днем вышивала ягушку,
Мяла шкуры, варила еду,
А ночами рыдала в подушку,
И шептала: я жду тебя, жду!..

Отвергала советы подруги
Про парней из соседних бригад.
Бились в сердце холодные вьюги,
Но ждала – он вернется назад...

Будет снова бродить среди оленей,
Думу думать о чем-то своем.
И однажды, порою весенней,
Он увидит у чума ее...

Ямал, 2006 г.

ГРЕЗЫ

Мы грезим о женщинах в северных снах -
По нашим следам не проходит весна...
Любовницы, жены, подруги с Земли!
Метели тропинки к сердцам замели...

Но мы возвратимся, к ногам упадем,
Засыплем цветами – и снова уйдем,
К единственной верной, суровой жене –
Укутанной снегом Ямальской стране...

Ямал, 2006 г.

ЗЕМЛЯ

Здесь говорят, собравшись на юга:
На Землю едем! Свидимся нескоро -
У вас как раз закончится пурга,
И первый аргиш откочует в горы...

На Землю выбираться – не впервой,
Но каждый раз волнуемся немного,
Когда встают торосы, как конвой,
Над занесенной бурями дорогой...

Там, на Земле, большие города,
Там, на Земле – сады, цветы, фонтаны,
И если доберемся мы туда,
Теплом залечим северные раны.

Но месяц, два – потянемся домой,
На крайний Север - перелетной стаей...
Нам возвращаться – тоже не впервой,
Но сердце отчего-то замирает...

На карте вроде мы одна страна,
И на одной находимся планете,

Но, что Россия дальше, чем Луна,
Известно на Ямале даже детям.

И космонавт, отправившись в полет,
За чьим успехом вся следит планета,
К Земле поближе, чем оленевод,
Затерянный в Ямальской тундре где-то...

И редкий борт, пробившийся сюда,
Встречаем всем поселком, как Мессию,
И командир, с глазами, что слюда,
Расскажет, как там – на Земле, в России?

Там, на Земле... Ну что там – на Земле?
Тепло, уютно, тошно без причины...
Налей, брат, водку в кружки на столе –
Здесь есть друзья. Есть дело для мужчины...

Ямал, 2006 г.

ПОМОРЬЕ

Зимовье у моря,
Седая тайга.
Поморье, Поморье –
Торосы, снега...

На сто верст в округе
Не встретишь жилья,

Прносятся вьюги,
Блестит полынья...

Баркасы уткнулись
В ледовый причал,
И годы вернулись
В начало начал,

Играют тюлени
В зеленой волне,
А жизнь – словно тени
На синей лыжне...

Уходят торосы
Во мглу на восток,
И снова вопросы
Стучатся в висок:

Меж морем и небом
Растает лыжня –
Я был или не был?
Кто вспомнит меня?

По Белому морю
Гуляет пурга,
Поморье, Поморье –
Торосы, снега...

Про счастье и горе
Мне песню сыграй –
Поморье, Поморье –
Затерянный край...

Дер. Лотшеньга, 2006 г.

МЕРТВАЯ ДОРОГА

Узкоколейка
По-над рекой...
Водки налей-ка
За упокой...

Судом Шемяки
Гнали сюда...
В мерзлых бараках –
Хлеб да вода...

Коль не хватало
Щебня, камней –
Клали под шпалы
Мертвых людей...

Над пятьсот первой
Стройкой - зима...
Давит на нервы,
Сводит с ума.

Верят в народе –
В лютый мороз
Призраки бродят
Промеж берез...

Бродят бандиты
И стукачи,
Космополиты
И палачи,

Бродят студенты
И доктора,
Интеллигенты,
Инженера,

И самокрутки
Курят в ночи...
В сполохах жутких
Тундра молчит...

Сядут на нары,
Примутся петь.
Им бы соляры –
Руки согреть.

Рельса об рельсу
Бьется набат,

Окрики: целься!

Ругань солдат,

Поступь конвойных

В лае собак...

Спит беспокойно

Мертвый барак...

Песню не слушай –

Кашель да хрип.

Вывернет душу –

И ты погиб...

Рельсы не трогай –

Пусть отдохнут.

Мертвой дорогой

Стройку зовут...

Узкоколейка

По-над рекой...

Водки налей-ка

За упокой...

Ямал, 2006 г.

ПРОСТИ

Прости меня, милая, ждущая там,
Где время идет по весенним часам.
Прости за тревоги и ночи без сна,
Прости за короткие строки письма,

Прости, что весной здесь не тают снега,
Прости, что неделю бушует пурга,
Прости за коварный арктический лед,
Прости, что напрасно я ждал вертолет,

Прости, что петляет по тундре лыжня,
И я матерюсь, непогоду кляня,
Прости, что я спирт принимаю на грудь,
В полярных сияний холодную жуть,

Прости, что поземка заносит мой след,
Прости за дороги, которых здесь нет,
Прости, что я снова сбиваюсь с пути...
Родная, прости меня! Просто прости...

Ямал, 2006 г.

Опять нелетная погода,
и спирт – лекарство от тоски...
На влажных траках вездехода
полярных маков лепестки...

И свет лампы керосинной
в балочном крошечном окне,
где отражаются вершины
В зеленоглазой глубине.

По серым кряжистым увалам
оленьим стадом - облака,
и на плечо мое устало
ложится времени рука...

И разговоры, пересуды
в белесой северной ночи...
А спирт в эмалевой посуде
и обжигает, и горчит -

горчит разлукой с этим краем,
прозрачно-зыбким, словно вздох..
Июльский снег меж пальцев тает,
и капли падают на мох...

Ямал, 2008 г.

КОЛОКОЛ

КОЛОКОЛ

Я – колокол! Вибрирую, дрожа,
Качаясь под крестами золотыми,
А подо мной, заснежены, лежат
Дома, сады и улицы пустые.

Играет солнце в бронзовом литье,
В чертах святых - сияющих, суровых.
Мой голос воплощает Бытие -
Как звук, что позже превратился в Слово.

Я должен этот город пробудить
От сна забот - суетного, пустого!
Я должен сам в себя веками бить,
Чтоб человек услышал зов Иного.

Мой голос отдается в мостовых,
Басами бьет в белеющие крыши,
Набатом призывая всех живых -
Но город спит. Никто меня не слышит...

И тает одинокий мой призыв,
Дробясь о стекла равнодушных окон,
Ломается размеренный мотив,
Стекая по изгибам водостока...

...И тут в мой бас, тяжелый и густой,
Трезвонном колокольчики вступают -

Мелодией чарующей, простой -
И город, пробудившись, оживает...

Москва, 2008 г.

ЗАЧЕМ?

Я удивляюсь каждый раз весной
Траве, что показалась из-под снега,
Ручьям и солнцу, нежному побегу -
И сердце млеет радостью земной.

Зачем все так сжимается в груди?
О чем вы, птицы, в воздухе прозрачном?
Подснежника цветок, малыш невзрачный,
Зачем расцвел сугробов посреди?

Зачем клокочет талая вода,
Искристой крошкой усыпая берег?
Зачем так в чудо хочется поверить,
Чтоб с верой не расстаться никогда?

Зачем весной с чистого листа
Я начинаю жить, стремясь к свершеньям?
И в каждой жизни вижу Воскрешенье
Давным-давно распятого Христа?..

Москва, март 2007 г.

НА ПОРОГЕ

Жизнь, как сигарета,
Тлеет в темноте.
Но стремлюсь я к свету
С думой о Христе.

Трудная дорога -
Горы да пески...
Я смотрю с порога
Вдаль из-под руки.

Не ищу покоя,
Но томит одно -
Времена героев
Минули давно...

Времена пророков,
Времена святых...
Мало будет проку
От моей мечты.

Не найду ответа,
Запетляет Путь...
Жизнь, как сигарета,
Догорит - и пусть!

Плача на пороге,
Отвернусь к стене...

Но раздастся строгий

Голос в вышине:

"Встань же, духом нищий!

Повернись к Звезде!

Тот, Кого ты ищешь,

Помнит о тебе!"

Москва, 2007 г.

КОГДА СБЫВАЕТСЯ МЕЧТА...

Когда сбывается мечта,

минутным счастьем наполняя,

что остается? Пустота.

И ночь, и нервный бег трамвая,

и свет туманный фонарей,

пожухлых на изломе лета...

И хочется найти скорей

кого-то, чтоб спросить совета,

чтоб не остаться одному,

чтоб поделиться сокровенным...

Пусть мне откроется, к чему

весь этот мир, живой и тленный!

Но город тих и пуст, как склеп,

не отвечают телефоны.

За подоконник черствый хлеб
крошу – вдруг прилетят вороны?

Но жизнь земная замерла...
Поблекнув, запахи и краски
стекают в полночь, как смола
из невостребованной ласки...

И остается лишь одно,
являясь несказанной мукой –
смотреть на небо сквозь окно,
с мольбою простирая руки...

Москва, 2006 г.

СООТВЕТСТВОВАТЬ?

Соответствовать возрасту,
Соответствовать статусу -
Чтоб под горочку, попусту,
По наклонному градусу?..

Соответствовать имени,
Соответствовать обществу,
В ночи долгие, зимние
Не придумывать новшества?..

Соответствовать времени,
Соответствовать правилам.
Знать, что ты не из племени
Неудачника Авеля?..

Соответствовать качеству,
Соответствовать мнениям,
Позабывать все чудачества,
Все тревоги, сомнения?..

Или.....

Москва, 2007 г.

ЛЕСТНИЦА

Проходят дни и месяцы,
Скрипят ступени лестницы
Ведущей в никуда.
Где скрылись дни вчерашние?
И почему так страшно нам
В календаре закрашивать
Дни, месяцы, года?

Я буду твердым, кременным,
Я не поддамся времени,
Течению бытия...
Я стану светлым, правильным,
Имамом, ламой, раввином,
О буднях моих праведных
Составят жития...

Но нет! Скорей, развенчанный,
Укроюсь в скит бревенчатый
На берегу реки.
Я весь покроюсь язвами,
И будут звери разные

Являться безбоязненно -
Соль слизывать с руки...

Я буду - это главное!
Пусть жизнь моя - бесславная,
И нет в груди огня...
А время жутким жерновом
Пушкой раздавит Первого -
Того, идеям верного, -
И пощадит меня...

Москва, 2007 г.

ОДИНОКИЙ БОГ

Мне - много тысяч лет.
Я - одинокий бог.
Я - воплощенный свет,
Цель всех земных дорог.

С грустью смотрю в окно -
Там, за окном, мой мир.
Там, за окном, темно -
Мир мой убог и сир.

В мире моем зима,
Холод и вечный лед.
Чтоб не сойти с ума,
Верю: она придет!

Нежная, как весна,
Теплая, как июнь,

Ясная, как луна -
Так про нее поют...

Верю - она вдохнет
Жизнь в этот мертвый край.
Верю, она поймет:
Рай без нее - не рай.

Но я напрасно ждал.
Выпал весною снег.
Где-то в горах обвал
Тропы закрыл навек..

Мир пересотворить
Мне без нее - никак...
С небом порвется нить,
Вспять побежит река,

Не воссияет свет...
Я - одинокий бог.
Мне много тысяч лет.
Я ничего не смог...

Москва, 2008 г.

КОЛЕСО

Катится по свету колесо –
Старое, сколоченное грубо –
Мимо рек, ущелий и лесов,
И свирепый Мара скалит зубы.

Скалы обращаются в песок
Под его железными когтями -
Демон Мара крутит колесо
Мир опутав крепкими сетями...

Демон Мара крутит колесо,
И века сменяются веками.
Колесо без ступиц и рессор
Безраздельно властвует над нами.

Жизнь моя! Ты с этим колесом
Катишься с рождения до смерти.
Только смерть - короткий сладкий сон:
Вновь родишься - и опять завертит...

Катится по свету колесо,
Не остановить его движенья...
Демон Мара мне твердит в лицо,
Что судьба всего – перерожденье...

...Вдруг остановилось колесо,
Совершилось неземное чудо!
Надо мной – спокоен, невесом,
С тихой грустью улыбался Будда...

Монголия, 2007 г.

ТЕТИВА

Стань натянутой тетивой!
Между звездами и травой,
Между Богом и человеком –
Только нить тетивы тугой.

Стань натянутой тетивой –
Если ты все еще живой!
Чуть ослабнешь или сорвешься -
Проиграешь заветный бой!

Стань натянутой тетивой!
Не считайся с людской молвой,
И, себя самого познавший,
Оставайся самим собой.

Стань натянутой тетивой!
Много лет ты жил сам не свой –
Но в натянутости до дрожи
Обретишь наконец покой...

Москва, 2006 г.

ЗВОНАРЬ

С детства был он непутевый –
Дал же Бог нам звонаря!
Шел селом в рубахе новой –
Девки рдели, как заря.

Рассуждал о Боге смело,
Сразу видно - книгочей!
Так что батюшка за дело
Поддавал ему «лещей».

Пьяный лез на колокольню –
Бабы ахали внизу:
- Не сорвался бы, соколик! -
На платок смахнув слезу.

Старики его бранили:
Ты б, Сережа, бросил пить!
Ты пойми, здесь - или-или,
С колокольни к Богу нить!

А он нити эти трогал,
И звонил в колокола.
Растекался звон Серёгин,
Как янтарная смола.

И парил над миром дольным,
Сам Серега – глух и нем,
Растворенный в колокольном
Звоне в горней вышине.

И ему прощали сразу
Все возможные грехи -
Был на царство он помазан
Дланью Божеской руки.

Он спускался с колокольни,
Шел, не глядя, по селу...
И тогда мы все невольно
Низко кланялись ему...

Москва, 2007 г.

* * *

Кто боится тюрьмы, кто сумы,
Кто болезней, кто смертного часа,
Кто судьбы, кто неверного паса,
Кто войны, кто ревнивой жены...

Ну а я – я боюсь одного:
Что прервется поток откровений,
Что небесный наставник и гений
Мне не скажет уже ничего...

Москва, 2006 г.

*СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ
НАКЛОНЕНИЕ*

СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В сослагательном наклонении:

«А что было бы, если бы?...»

Меня вновь терзают сомнения

Принца Датского: как to be?

В сослагательном наклонении

Пульс истории – ерунда:

Не случившиеся сражения,

Не сожженные города...

В сослагательном наклонении

Может юность вернуть старик:

Как по щучьему по велению

Мир меняется в тот же миг.

В сослагательном наклонении

О несчастьях не говорят:

Превращается в приключение

Незнакомки случайный взгляд.

В сослагательном наклонении

Нет ошибок слепой судьбы -

Я исправлю все за мгновение,

Прошептав: «А что, если бы?...»

В сослагательном наклонении

Так заманчиво жизнь прожить!

Не поддаться бы искушению –

Но твержу опять: «Если бы...»

Москва, 2006 г.

БАЛЛАДА О ДРЕВНЕМ КАМНЕ ИЗ УЩЕЛЬЯ ТОСОП

Двое древних старцев, что в аиле
Пользовались общим уваженьем,
Пальцы в горы уперев, твердили,
Чтобы я оставил все сомненья:

Там, в ущелье, где Маркаш покойный
Пас баранов, провожал закаты,
Под скалой, за высохшей рекою,
Древний камень с надписью упрятан.

Что за камень, старцы те не знали,
Но один сказал, нахмутив брови,
Что калмыки буквы написали,
Окропив их жертвенною кровью.

А другой заспорил, возмущаясь,
И глаза чернее ночи стали:
«Знаю точно – надпись, возвращаясь,
Воины Манаса начертали!»

Надпись эту очень аккуратно
Я в блокнот занес со всей сноровкой –
Закорючки, буквы, даже пятна –
И в Москву отвез для расшифровки...

Двое академиков маститых
Спорили, кричали: «Посмотрите!
Это же уйгуров мегалиты!»
«Нет, коллега! Надпись на иврите!»

Поругавшись пару конференций,
Все ж пришли к единому решению:
«Без инопланетных инфлюенций
Трудно объяснить сие творенье!»

...Через год в аил приехал странник -
В драном чопане, с мешком заплечным.
Был он с виду неказист и странен,
Лишь глаза сияли светом вечным.

Выслушав историю о камне,
Он над нами вволю посмеялся,
Говорил сперва: «Гадайте сами!»
Но кумыса выпил и признался:

«Надпись не покажется вам странной,
Стоит лишь подумать головою:
«Не паси, сосед, своих баранов
На моей земле, за сей скалою!»

Аил Тосор, 2007г.

ЖИТИЕ ИВАНА-ДУРАКА, ИЛИ ПЕСНЯ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Не хотел Иван
Видеть дальних стран,
Жил себе за Волгой-рекой.
Звал царь на войну,
Все сулил жену,
Но сказал Иван: "А на кой?"

Царь грозил-кричал,
Царство обещал,
Но Иван лишь махнул рукой:
"Вот царева блажь -
Ты полцарства дашь,
А на кой оно мне, на кой?"

Кони-горбунки,
Щуки из реки
Не отнимут впредь мой покой.
Отпустил Жар-птицу,
Не несут яиц -
Так на кой они мне, на кой?..

Лежа на печи,
Трескать куличи,
Леденец держа за щекой...
Жизнь прошла метлой -

Тридцать лет долой,
Да на кой они мне, на кой?.."

Так погиб Иван
Не в бою от ран,
А напившись хмельной тоской...
Бормотал в бреду:
"Все пошло в п...ду -
И на кой оно мне, на кой?.."

Москва, 2005 г.

КАК ТАТАРСКИЙ БОГАТЫРЬ РУССКОМУ КНЯЗЮ СЛУЖИЛ

Над родной степной сторонешкой,
Над татарскими кочевьями
Потемнело небо синее,
Закружились в небе вороны,

Хан Узбек закону древнему,
Мудрой вере Тенгри Вечного
Изменил, чтоб крепче властвовать -
Принял веру иноземную.

Покатилися головушки
Богатырские невинные -
Тех, кто веру наших прадедов
Не сменил на бусурманскую.

Что же делать мне, татарину?
От погони где укрыться мне?
По степи, по окровавленной,
Рыщут ханские приспешники...

Стану в небе вольным кречетом,
Полечу в сторонку дальнюю,
Опущусь на ветви тополя –
Станет тополь мне товарищем...

Стану я могучим коршуном,
Полечу в сторонку дальнюю,
Опущусь я рядом с ивою –
Станет ива моей матерью...

Стану соколом стремительным,
Полечу в сторонку дальнюю,
Опущусь я под березою –
Мне береза станет Родиной...

Я поеду в Русь Московскую,
Прямо к княжескому терему,
Поклонюсь я князю светлому,
Поклонюсь княгине ласковой.

Лук тугой, колчан со стрелами,
Саблю острую, булатную

Положу к престолу князеву,
Предложу свое служение:

«За тебя и Русь московскую
Живота не пожалею я,
Лишь от веры моих прадедов
Ты не требуй отречения!»

«Ты служи мне верой-правдою,
Бей врагов моих без жалости!
Я ж от веры твоих прадедов
Отреченья не потребую!»

Князю светлому московскому
Послужу я верой-правдою,
Против воинства немецкого
Выйду с сабелькой булатною.

Выйду с сабелькой булатною,
Да с копьем длиной в три сажени,
Тетиву спущу звенящую,
И врага осыплю стрелами!

Так с московскими батырами
Кровью ратной побратаемся -
Будет то родство надежнее,
Чем промеж родными братьями!

А когда вернусь с похода я,
Да с богатою добычею,
Девки красные московские
Залюбуются татаринომ!
И сыграем свадьбу пышную,
И споют певцы-сказители:
«Слава, слава князю светлому!
Слава храброму татарину!»

Москва, 2007 г.

СТАРАЯ УСАДЬБА

Усадьба графа Келлера,
Осетра берега.
По-летнему все зелено,
желтеют лишь стога.

Заросший пруд, уснувшая
ракита над водой...
Здесь жизнь, давно минувшая
встает передо мной...

Церквушка обветшала -
забытая вдова.
От счастья и от жалости
кружится голова.

Под Веймарскими елями
склеп прячется в тени.

Где те, что жили, верили –
куда ушли они?

Разрушенная мельница,
мели веков зерно...
Мне верится - не верится
в прошедшее давно...

Как по аллее лиственной,
в желтеющую даль
неслась карета быстрая,
и дама, сняв вуаль,

шептала графу нежные,
ненужные слова...

А граф смотрел в безбрежные
поля, где острова

стогами желтобокими
в небес голубизне...

Граф думал: как жестоки мы!
И что сказать жене...

Он знал – уже все кончено,
любовь не возвратишь.

Смотрел, как в тихом озере
качается камыш,

как утки – растревожены -
летят за дальний лес...

На жизнь свою, что прожита
без смысла, без чудес...

На пастушка с собакою
веселую борьбу...

А дама молча плакала,
чуть прикусив губу...

Шурша сухими листьями,
сквозь время, без следа,
неслась карета быстрая
неведомо куда...

...Усадьба графа Келлера,
Осетра берега.
По-летнему все зелено,
Желтеют лишь стога...

г. Озеры, 2006 г.

РУИНЫ

Зачем нас так привлекают
Развалины старых замков,
Руины дворцов и храмов,
Усадеб и городов?

Зачем мерещатся тени
Мистерий, балов, сражений,
И прошлое оживает
В горячих юных сердцах?

Зачем влюбленные бродят
Часами среди погостов,
И шепчут слова признаний
В любви до скончанья дней?

Быть может, время не властно,
Над тем, что уходит в вечность,
И смерть, пройдя по руинам,
Теряет силу свою?

А может быть, здесь мы видим,
Как все труды наши тщетны,
И сердце не хочет верить
В конечность жизни земной?

И взор обращая к небу,
Мы шепчем слова молитвы:
О тех, кто любил и верил...
О здравии всех живых...

Дер. Сенницы, 2006 г.

ХИЙ МОРИН
(Степной Пегас)

Нет времени, чтобы месить саман,
Или тесать бревно.
Пора – я ушел, как старый шаман –
Ветром через окно.

Хий Морин, монгольский степной Пегас,
Нам с тобой по пути.
Я в небе читаю обрывки фраз –
Конь крылатый, летим!

Здесь нет расписаний, как нет дорог –
Только воля небес,
Да желтых гор рассыпной пирог
Мчался наперерез.

Над гладью соленых степных озер,
Белой нитью реки,
С волшебным конем я вел разговор,
Щурясь из-под руки.

А люди внизу не знают о нас –
В небо к чему глядеть?
Тогда, улыбнувшись, степной Пегас
Попросил меня спеть.

Я пел, улыбаясь ему в ответ -

О простом, о земном.

Но песенка с неба лилась, как свет,

Говоря об ином.

И люди внизу бросали дела,

К небу руки воздев,

Где сквозь бирюзу белых два крыла

Мчались, словно во сне.

Тот, кто знает сказки былых времен,

В жизни не пропадет.

Вы слышите? В небе волшебный звон -

Это его полет...

Мчись над Москвою и над Хангаем,

Над Петербургом и над Китаем,

Белые крылья людям светят в ночи.

Мчись сквозь пургу и знойное лето,

К сильным и тем, чья песенка спета –

Конь мой волшебный, долети, доскачи!

Москва, 2006 г.

ПАНТАЛАССА ЛЮБВИ

К чему, скажи, нам с тобой бороться с этим течением?

Расслабить мышцы, вдохнуть и погрузиться в поток...

В цепи с названием "жизнь" мы стали лишними звеньями,

С недописанной песней река уносит листок...

Давай еще поживем, но только по-настоящему,

Хоть раз будь честен с собой, хоть раз душой не криви -

Не запестрим из газет, и не покажут по «ящику»,

Когда мы выйдем на берег Панталассы Любви...

В забытых Богом мирах, без GPS-навигатора,

Идем по карте, что ты под школьной партой чертил.

Но к черту тайны веков, когда у нашего кратера

Пустые баки надежд в осколках мертвых светил...

Держись, старик, и поверь – я здесь с тобой не из жалости,

Пусть кривая судьба твердит, что выбора нет...

Пусть этот мир обречен, и не дожить нам до старости –

У Панталассы Любви последний встретим рассвет...

Разрушит время все то, что нами было построено,

Перепишут историю с чьей-то легкой руки -

Как ты, рожденный в степи, был поэтом и воином,

Но проиграл все сраженья, сжег свои дневники...

Я верю - будет весна, и крикнет радостно: "Кто со мной?"

Зажжет мальчишка упрямый твой забытый маяк.

И чьи-то губы шепнут строку из той, недописанной,

И в Панталассу Любви уйдет упругий каяк...

Талдом, 2005 г.

ПРОЩАНИЕ. IX ВЕК.

Ты меня провожала, и ветер
Развевал твои светлые пряди,
И виденья минувших столетий
Проплывали, мерцая во взгляде.

Волчий клык в потускневшей оправе –
Оберег из степного кургана,
Что ковался в сраженьях и славе,
И хранил силу древнего хана,

Я надел на тебя, заклиная:
Пусть хранят тебя стражи ночные!
Волк Великий и верная стая,
Звезды, Небо и духи земные...

Ты меня обняла, и губами
Чуть коснувшись, сожгла мои щеки.
И века проносились над нами,
Пели скальды забытые строки,

И полпыли, сверкая огнями,
Как драккары, вагоны состава...
Становясь моей болью и снами,
Ты брела по платформе устало...

Так в эпоху раскрученных брендов,
Интернета и связи мобильной,
Оживая из древней легенды,
Расставались Сигурд и Брунгильда...

Дер. Зашильское, 2007 г.

УРАГШ!

Собраны вьюки,
Конь отдохнул.
Слышите звуки?
Ветер подул!

Завтра уходим
В степи на юг!
Другом в походе
Станет мне лук.

И-йо! Урагш!

В жаркое лето,
К солнцу в траве,
Капли рассвета –
На тетиве.

Алые маки –
Кровь и заря.
Звездные знаки
В путь! говорят.
И-йо! Урагш!

С честью невзгоды
Встретим теперь.
Дом мой походный –
Войлочный гэр.

Вьются дороги -
Пыль и цветы...
Через тревоги –
К сердцу мечты!

И-йо! Урагш!

Апрель 2006 г.

ВЫБОР

Выбирай! Не стой у черты,
Безмятежную жизнь любя.
Твердо знай: не выберешь ты -
Выбор сделают за тебя...

Я в товарищи выбрал лук -
Лук тугой, с тетивой из жил,
Чей протяжный, певучий звук
Мне удачу приворожил.

Я в попутчики взял коня -
С белоснежной звездой во лбу.

Пусть как ветер несет меня,
Обгоняя в пути судьбу.

Делом жизни я выбрал путь
По бескрайней золотой степи.
Путь надежды – когда-нибудь
Тайный смысл бытия найти...

Москва, 2007 г.

*НА ОДНОМ
ЯЗЫКЕ*

* * *

Ты со мной говоришь на одном языке -
Не на русском, монгольском, английском, -
А на том, что рисует волна на песке,
Что шаманы бормочут в нездешней тоске,
Что прожилкою тайны стучит на виске -
О минувшем, но трепетно-близком...

Декабрь 2007 г.

ШАМАН

Я разговаривал с Небом, Землей, Преисподней,
Жертвенной кровью кропил на священную нарту,
Там, на краю мироздания, где Слово Господне -
Шепот шамана у камня с таинственной картой.

Я разговаривал с духами моря и леса,
Пил, задыхаясь, настой мухоморного яда,
Я поднимался над тундрой, не чувствуя веса,
И опускался в глубины промозглого ада...

Я разговаривал с Небом, Землей, Преисподней...
Но на платформе метро я тебя вдруг заметил -
Ты улыбнулась, сказала, что едешь до Сходни.
Я про случайные встречи зачем-то ответил.

Тут же подумав, что в мире ничто не случайно.
Встречу такую шаманы назвали бы "ляххал" -
Вестью судьбы, что касается сердца печалью,
Нитью судьбы, что связала Небесная Пряжа...

Я через станцию вышел, кивнув на прощанье.
Сердце стучало все громче, как бубен шамана,
Вновь убеждая меня - в мире все не случайно.
И проступила Судьба в белых клочьях тумана...

Москва, 07.12.2007 г.

О ПОГОДЕ

Характер моей любимой –
погода на Даян-Нуре,
Где летом приходят зимы
с ветрами и снежной бурей.

Характер ее - погода
заснеженных гор Алтая:
Весны можно ждать полгода,
А снег вдруг зимой растает...

Как сердца ее капризы -
погода Хувсгел-Далая:
то дуют вешние бризы,
то мгла наползет сырая...

И как любить мне все эти
ветра, дожди, снегопады?
Да только другой на свете
женщины мне не надо...

Монголия, 2006 г.

ПРИЗНАНИЕ

Мы друг другу в любви признавались,
О любви не промолвив ни слова...
Лишь холодные звезды качались,
И писали мы снова и снова –

О пути, о судьбе и о смысле,
О высоком, смешном и туманном,
Мы читали и письма, и мысли –
И нам это казалось не странным.

Между нами лежало пространство –
Восемьсот пятьдесят километров,
И тайга в белоснежном убранстве,
И напевы студеного ветра.

Но когда, сквозь помехи в эфире,
Мне письмо от тебя прилетало,
Что-то таяло в замершем мире -
Словно вешнее солнце вставало.

Замирая с мольбой под иконой,
И не зная, чем выразить нежность,
Я с пластмассовых губ телефона
Поцелуй твой срывал, как подснежник...

Дер. Зашильское, 27.12.2007 г.

СНЕГ

Ты любишь снег. Его полет,
Его искристое кружение,
Когда пурга в изнеможенье
О Крайнем Севере поёт.

Ты любишь снег, когда одна
Идешь по улицам уснувшим,
Когда прозрачны сны и души,
И миром правит тишина.

А я люблю – рука в руке! -
Смотреть, как снег в ресницах тает,
И превращается, сверкая,
В слезинку счастья на щеке...

Москва, 03.02.2008 г.

* * *

Уговори меня остаться -
На день, на час, на пять минут!
Уговори! И, может статься,
Часы вселенские замрут.

Уговори меня уехать -
В чужие дальние края.
Уговори! Дорожной вехой
Укажет путь любовь моя.

Уговори меня вернуться -
Через неделю, месяц, год.
Уговори! С небес прольются
Живые звуки нежных нот.

Уговори меня забыться,
Поверить: было все во сне...
Уговори! И мне приснится
Сон о тебе и обо мне....

Алматы, 2007 г.

ВЕРНОСТЬ

Провожая, меня целовала
словно брата – а я ждал иного...
И чернели глаза – два провала,
и не сказано было ни слова...

Ты осталась верна ему, знаю -
итальянцу с седыми висками.
В твоей жизни прошел я по краю,
твое сердце не тронул стихами.

Я не смею винить тебя – верность
добродетелей многих превыше.
Мы не встретимся больше, наверно.
Гаснет свет.

Дождь.

Озябшие крыши...

Алматы, 2007 г.

* * *

1

Забудь меня. Как первый снег
Про дождь осенний забывает,
И белым шелком укрывает
Дома, сады и русла рек.

Забудь меня. Как листопад
Не помнит о цветущем мае,
Как лед искристый забывает
Весенний радужный каскад.

Забудь меня. Судьба твоя -
Живое, здешнее, земное!
А я ближайшею весною
Уеду в дальние края -

Туда, где звездами звеня,
Метет пурга над тундрой стылой.
С пути собьюсь, и обессилив,
Я прошепчу: забудь меня!

2

Я буду ждать тебя зимой,
В избушке северной, таежной –
Войди, ступая осторожно,
И позови: любимый мой!

Я буду ждать тебя в степи,
Среди ковыльного раздолья,
Примчись же с юга ветром вольным,
Шепни мне ласково: не спи!

Я буду ждать в том уголке,
Где ты меня поцеловала,
И тихо песню напевала
О розе, плывшей по реке.

Я буду ждать тебя всегда.
Пусть жизнь земная оборвется -
Я из небесного колодца
Живой воды тебе подам...

22. 02. 2008

* * *

Я оставлю в изголовье,
У поникшего цветка,
С перечеркнутой любовью
Два исписанных листка.

С перечеркнутой мечтою,
С перечеркнутой судьбой,
С потускневшею звездой
Над заснеженной Москвой.

Я уйду, не попрощавшись,
Тихо двери затворю,
Оставляя свое счастье,
Как последнюю зарю.

Ты проснешься поздним утром.
Улыбнешься – свет в окне.
За окном – весна. Как будто
Наша жизнь прошла во сне...

Не читай мои посланья,
Скомкав, выброси их прочь -
Мои темные желанья,
И желание помочь.

Выйди радостной и светлой
В шумный полдень городской -
Я растаю вешним ветром,
Со своей хмельной тоской...

Москва, 2008 г.

* * *

Прикосновение. Дыханье.
Чуть слышный аромат волос –
Порой мне хочется до слез
Вернуть то первое свиданье!

Москва.

Ноябрь.

Старый двор.
Горящих листьев запах пряный,

Я за тобой иду, как пьяный -

Куда-то в неземной простор,

Где, взявшись за руки, как дети,

Вбегаем прямо в небеса!

С тех пор я верю в чудеса.

В Москву.

В ноябрь.

В пряный ветер...

Москва, 2007 г.

МУЗЫКАНТ

Столичный музыкант

В провинции убогой,

Смотрелся, словно франт,

И вызывал тревогу -

У местных забулдыг,

Подростков нагловатых:

«Скажите, на кой фиг

Приперся он, ребята?»

Дадим ему по щам,

А то вообще уроем!»

И главный бросил: «Ща!

Квартет ему устроим!»

Тот драки не хотел,
Но, пятясь средь народа,
Гитарою задел
Девчоночку у входа.

Она вскричала: «Бля!»
Он извинился: «Sorry!»
Меж звезд плыла земля
В заснеженном уборе,

И, посмотрев в глаза
Приедем, девчонка
Не зная, что сказать,
Вдруг рассмеялась звонко!

Своим махнув рукой,
Остановив расправу,
Ему велела: «Пой!»
И затянулась «Явой».

И музыкант ей пел,
И пальцы струн касались,
И взор ее теплел,
И слезы показались...

Притихли все вокруг,
Лишь колыхались тени.

И главный молвил вдруг:

«Ну, ты даешь, Есенин!»

Под руку его взяв,

Она, вздохнув, спросила,

«Скажи, что значит «Love»?

Из песни той красивой?»

И, проводив его

До дальней остановки,

Шепнула: «Ты, того,

Пиши мне, коль не робкий!»

Он обещать не стал.

Автобус плыл во мраке,

А он стихи писал,

И, глядя струны, плакал...

Дер. Зашильское, 2007 г.

* * *

Автобус катится ночной

По улицам пустым.

Земля охвачена весной,

А с ней – и я, и ты.

И проплывают огоньки

Уснувших фонарей.

Хочу прочесть тебе стихи –

Домой, домой скорей!

А небо - в пряных кружевах,
В сиреневом цвету...
А в сердце – нежные слова,
Облекшие мечту...

Москва, 2008 г.

ВЕСНА

У неба – авитаминоз.
Болезнь сугубо городская.
Весенний ветерок ласкает
Флажок из трех цветных полос.

Сегодня праздник? Вроде нет.
Но люди празднично одеты,
И клоун раздает билеты
В цирк за любой смешной ответ.

В ручьях несутся, клокоча,
Обломки радужных флотилий,
Мужик из фильма в ретро-стиле
«Москвич» заводит с «толкача».

И лишь сугроб у гаража
Не разделяет их веселья –
Он не желает новоселья,
И не скрывает мандража...

Москва, 2007 г.

КУВШИН

ВЕЛОСИПЕД

Возвращался поздно.

Закат пылал,

гроза надвигалась с юга,

и туч черно-синих

девятый вал

вставал

над трамвайным кругом.

В траве

девчонка

велосипед

чинила - безрезультатно...

И вдруг подбежала

спросить совет:

как цепь надевать обратно?

Пустьяк...

Цепь на звездочки натянул,

из мягкой китайской стали.

И не без усилия

провернул

скрипнувшие педали.

И цепь запела,

что твой смычок,

жаль,

руки

испачкал смазкой.

Она протянула

травы пучок –

с заботливой женской лаской...

А я видел

совсем другую траву,

в другом часовом поясе,

где ветер

носил обо мне

молву

быстрее скорого поезда.

Где жил,

словно жизнь

мне дали взаймы,

а время смешало числа...

Где желтая лента

степной каймы

целью была

и смыслом...

- Спасибо! – тихо прошептала,

умчалась,

сверкая фарой...

А небо

темно-свинцовым

стало,

прижав
 меня
 к тротуару...

Но в первых,
 тяжелых
 каплях дождя

растаял
 призрачный город,
и степным простором
укрыв меня,
грома
 ударил
 молот...

Москва, 2006 г.

КУВШИН

Черепки разбитого кувшина –
Азия. Не родина – изгнание.
Этот мир был вылеплен из глины,
И разбит на части в наказание...

Сирота из рода Бордгижинов
Черепки собрал, когда был в силе,
И сложил подобие кувшина –
Сыновья опять его разбили...

Белый царь, наследник Темуджина,
Терпеливо собирал обломки.
И сложил подобие кувшина –
По частям все продали потомки...

И лежат забытые осколки
На земле, холодной и пустынной,
И Луна сверкает глазом волка
В доньшке разбитого кувшина...

Киргизия, 2007 г.

ХАДЖА

Бросил баранку УАЗа – некуда торопиться...
Расстелил в траве куртку, пахнущую бензином.
И, повернувшись к Мекке, истово стал молиться,
Называя Аллаха Всевидящим и Единым...

До Мекки совсем не близко – тысячи километров,
Да и старость подходит – хадж ему не осилить...
Он намаз совершает, ладони наполнив ветром,
Потом поминает предков, что испокон здесь жили...

Сам он всю жизнь в дороге – водил в Кульджу караваны.
Раз – с отцом на верблюдах, после – в русских машинах.
Видел чужое небо, видел чужие страны,
Только Мекку не видел – вот в чем тоски причина...

Сколько раз собирался – да то женитьба, то дети,
То в пограничный город ехать с товаром срочно...
Мекку - мираж пустыни - скрыл пыльной бури ветер,
Желтой лентой дороги степь привязала прочно...

Чалму из зеленой ткани, белую галабею
Он уже не оденет. Хадж не прославит имя...
Годы вернуть обратно Бога просить не смеет:
Тысячи километров - да только все мимо, мимо...

Тысячи километров в чужих горах и пустынях...
Но воздаст Милосердный за труды и невзгоды!
Ветром степным прошепчет: «Встань! Ты – хаджа отныне!
Пусть ты не видел Мекку – ты шел к ней все эти годы!..»

Баян-Улгий, 2006 г.

ЖИЗНЬ

Как черепа рептилий мезозоя,
в песке кабины ржавые УАЗов...
Казалось, камни плавилась от зноя,
а в голове одна звучала фраза -
что жизнь здесь неуместна, невозможна!
Среди бескрайней каменной пустыни...
Но вдруг, из груды щебня, осторожно
на солнце выполз жук, а в небе синем
сверкнув крылами, коршун появился.
Тушканчик пробежал через дорогу,
кузнечик в сладком пении забылся,

и саксаул корявый понемногу
встряхнул от пыли нежные листочки.
В скупой тени цветы открылись взору,
где муравьи, осмысленные точки,
несли добычу в крошечные норы...

...И, глядя в небо, я восславил Бога,
пал на колени около машины...
На черный щебень выжженной дороги
катились слезы, слезы без причины...

Монголия, 2006 г.

ХАРХОРИН

Смотрю на мир глазами черепахи,
изваянной из камня в Хархорине –
не ведая ни жалости, ни страха,
я вижу степь в изгибах желтых линий...

В сухую землю брошенное семя,
не дав ростка, под солнцем засыхает,
и вязкое, как желчь дракона, время
сквозь мой гранитный панцирь протекает...

Вокруг века сменяются веками,
встают и разрушаются столицы,
но все на свете обратится в камень.
В золу.

В песок.

И будет степь пылиться...

Я знаю – мир покоится на прахе,
за нами остаются лишь руины...
Смотрю на мир глазами черепахи,
изваянной из камня в Хархорине...

Монголия, май 2008 г.

ЖЕНА ОФИЦЕРА

Совсем одна в чужой стране
Идет вдоль берега реки,
И разгораются над ней
Чужих галактик огоньки.

И так идут за годом год
Пустынным берегом реки...
И в сердце стынет, крепнет лед,
А письма с Родины редки...

А мужу словно невдомек –
Он в тенетах своей тоски –
Какой ей нужен огонек,
Чьей ждет протянутой руки...

Муж в гарнизоне допоздна -
Она одна ложится спать.
Как Даян-Нурская весна,
Ее холодная кровать.

А ей так хочется тепла!
Но звезд холодные огни

К ней ближе, чем огни села,
Где мама доживает дни...

Совсем одна в чужой стране
Идет вдоль берега реки...
И видит яблони во сне,
И шепчет русские стихи...

Монголия, 2006 г.

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Спой мне русскую песню –
сам уже не сумею...
Спой о том, что мы вместе –
там, где звезды яснее,

там, где трава у дома
мягче ковров персидских...

Пой мне снова и снова -
в платье простом, из ситца,

русую косу нежно
в пальцах перебирая,
спой о дороге снежной,
где ямщик умирает.

Спой о роще и поле,
где хлеба колосятся...
В азиатской неволе
песни твои мне снятся...

В небе кизячно-душном
тускло мерцают звезды.
Пой, а я буду слушать –
может, еще не поздно!

Тайна есть в русской речи –
сердца слова коснутся,
душу мою излечат –
и я смогу вернуться...

Туркестан, осень 2008 г.

УСНУВШАЯ ЗЕМЛЯ

Земля, уснувшая навек
В тени щербатого дувала -
Здесь время вспять откочевало
По мертвым руслам мертвых рек.

И если птица пролетит,
Или пройдет верблюд, качаясь –
Я жизни в том не замечаю,
Я вижу: мир сей крепко спит.

Как спят в пустыне города
Из плит могильных и курганов,
Песком заносят их барханы,
Чтоб все исчезло без следа.

Здесь воля тает, как вода,
И солнце осушает флягу...

Споткнувшись, под чинарой лягу –

И не проснусь уж никогда...

Киргизия, 2007 г.

ОБЛАКА

Облака караваном верблюдов –
снежно-белых, груженных поклажей –
проплывали сверкающим чудом
над шеломами каменных стражей

гор Алтайских, над пепельной Гоби,
над руинами глиняных храмов,
над ущельем, хранящем в утробе
дверь в Агарты - пещеры ашрамов.

Облака проплывали, как песня –
ее пел караванщик негромко,
подгоняя верблюдов чудесных,
чуть ослабив тугие построжки.

Облака проплывали, как годы,
и скрипели колеса сансары...
Караван вез небесную воду
в снежных выюках застывшего пара.

Развязал караванщик те вьюки
над далеким гобийским аймаком:
позабыв суховейные муки,
распустились тюльпаны и маки.

И растаяли в небе верблюды,
и ушел караванщик усталый –
чтобы с новым сверкающим чудом
кочевать по пескам Туркестана...

Монголия, 2008 г.

ИССЫК-КУЛЬСКАЯ ОСЕНЬ

Белоснежные горы вдали
К небу пики возносят,
И куда-то летят журавли –
Иссык-Кульская осень...

Скрип колес раздается едва,
У арбы деревянные оси...
С тополей облетает листва –
Иссык-Кульская осень...

И шумит монотонно прибой,
Ветер пену уносит...
Я хотел бы остаться с тобой,
Иссык-Кульская осень...

Бог сегодня отдаст нам сполна
Все, о чем ни попросим!
На песок набегает волна –
Иссык-Кульская осень...

Аил Тосор, 2008 г.

БИШКЕК-МОСКВА

Азиатский неспешный состав
В туркестанских пустынях отстав
От всех графиков и расписаний
Прибывает в Москву с опозданием!

Он не знает, что ты меня ждешь,
SMS-ки бессильные шлешь,
Он не может понять, равнодушный,
И не хочет мольбы мои слушать!

Я б стегал этот поезд камчой,
Как верблюда! Но он ни при чем -
Это я, от себя убегаю,
Скрылся в сердце пустынного края...

Он приедет, бишкекский состав,
Ото всех расписаний отстав!
Я тебя обниму, и слезами
Извинюсь за свое опоздание...

Поезд «Бишкек-Москва», 2007 г.

ТАЛГА

У талги-очага – три угла,
Три основы и три стороны.
Нет на свете мудрее числа,
И согласнее с миром земным.

На одной стороне – старики,
Пламя мудрости в темных глазах...
У границы Великой Реки
Они многое могут сказать.

На другой стороне – мы с тобой,
Взявшись за руки, смотрим в огонь,
Он пылает в талге, как любовь -
Ярко-рыжий и ласковый конь.

А на третьей сидит малышня,
Свет играет в глазах озорных...
Продолжение тебя и меня,
Стариков, и всех живших до них...

Москва, 2008 г.

РОДИНА

Дорожки дачного поселка,
Заросший ряской темный пруд -
Берез зеленые метелки
Мне на прощание кивнут...

Когда вернусь домой - не знаю,
Но знаю точно я одно -
Ты ждешь меня, земля родная,
Мерцает лампа за окном...

В степном краю - краю полыни,
В твоих садах брожу во сне,
И под чужой небесной синью
Родные звезды светят мне.

Сорвав задумчиво травинку
Сухого моря ковыля
Лесную вижу я тропинку,
Ржаные желтые поля.

Я вспоминаю дуб могучий -
К нему водил меня отец,
Казался дачный лес дремучим,
Счастливым в сказках был конец...

И перед дальнею дорогой
Привел я к дубу сыновей -
Обнявши ствол, молился Богу,
А в роще щелкал соловей...

Года дорожной круговертью
Из сердца образ не сотрут -
Я знаю: где-то есть на свете
Мой дом и сад, и старый пруд...

Подмосковье, 2007 г.

МАМА

Когда несмелыми, босыми
Ногами мял траву сырую –

Лишь ты была моей Россией.
С тех пор всегда к тебе иду я...

Когда мне веки смежил иней
Перед Кашгарским перевалом –
Лишь ты была моей Россией,
Своим дыханьем согревала.

Когда, от жажды обессилев,
Я брел песками Туркестана –
Лишь ты была моей Россией,
Оберегая непрестанно.

Когда блеснули сталью синей
Клинки в ауле под Жамбылом –
Лишь ты была моей Россией,
И прочь удары отводила.

Когда Всевышнего просил я,
И слезы падали на камень –
Лишь ты была моей Россией.
И я взывал не к Богу – к маме.

В стране барханов и верблюдов,
Акынов, дервишей, имамов –
Со мною ты была повсюду,
Моя Россия. Моя мама...

Туркестан, осень 2008 г.